

Наталья Гайдашова

Милые мои,
дорогие

12+

Наталья Гайдашова

Милые мои, дорогие

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гайдашова Н. Н.

Милые мои, дорогие / Н. Н. Гайдашова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Повесть о "малой" Родине. В память о людях, без которых часть земли так и осталась бы просто территорией. Слова признания нашим предкам, в надежде, что современное поколение почерпнет для себя что-то познавательное из жизни деревни середины прошлого века.

© Гайдашова Н. Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1

История эта началась в далеком 1950 году на берегах широкой и быстрой реки, окруженной густыми хвойными лесами и непроходимыми болотами, вдали от больших городов и железных дорог.

Хутор «Линейный угол» находился в шести километрах от села и в двух от леспромхоза. Посреди леса в полукилометре от дороги на большой поляне стояли четыре крепких дома. Вековые сосны и ели, как сказочные стражники охраняли дома и их жителей круглый год. Охраняли от ветров и метелей, которые в этом краю были частыми гостями. Но в эту зиму даже и они не могли спасти хутор от снегопада и выюги, которые как обосновались в конце ноября, так и не утихомирились до марта. Снега выпало столько, что и в селе, и на хуторе, и в лесу высота его была чуть ли не в рост человека. В первом от дороги доме жил лесоруб Анатолий с семьей. Его соседом был одинокий старик, которого все звали Дедкой. Трудно было определить его возраст, за жиденькой бородой скрывалось почти все его маленькое и морщинистое лицо. Из-за невысокого роста со спины мог сойти он за подростка, если бы не его хромота. У старика, не было правой ноги по колено, и при ходьбе он сильно прихрамывал на деревянную ногу.

Дедка знал Анатолия с рождения. Относился к нему как к родному и во всем и всегда помогал. В тот день Толик, так звал его старик, вышел на работу пораньше. За ночь намело столько снега, что от дорог остался едва видный след, поэтому лесоруб отправился в путь в снегоходах. Дома же с раннего утра хозяйничала жена Полина. Поля истопила печку, и когда прогорели дрова, на угли поставила вариться обед. Нагрела в чугунах воды. Её знобило, «тупо» ныла поясница, но она ничего не сказала мужу. Четырехлетний Сережка проснулся и играл на печке с кошкой. Утро, мутное от снега, еле проглядывало в окно. Потоки воздуха то поднимали, то опускали, то закручивали в спираль мелкий и колючий снег.

Поля наклонилась, чтобы достать чугунок с кашей, но вдруг застонала, уронила ухват и прислонилась лбом к теплой печке. Страх зашумел в ушах, зашептал о самом плохом, что может с ней случиться.

– Сережа, сынок, беги до Дедки – тихо сказала Поля. Мальчик услышал не сразу, Поле пришлось повторить просьбу.

– Мамка, ты звала? – Спросил Серёжа испуганным голосом. Обычно мать говорит громко и властно, а сейчас тихо и беспомощно.

– Беги сынок за Дедкой, скорее!

Вместе с Дедкой в избу из сырого коридора залетел холодный воздух. Впопыхах ввалился в избу старик, он спешил, шапка, наспех нахлобученная на седую голову, так и норовила свалиться на пол, а заношенная фуфайка была застёгнута только на одну петель. Позади Дедки топтался испуганный Серёжка.

– Поля, – старик заглянул за занавеску, отделяющую кухню от комнаты. Он уже все понял. – Полюшка, потерпи, я Сережку сведу к себе и сразу к Глафире. Эх, до нее еще надо доковылять! Я лопату возьму, тропинку то порасчищу, быстрехонько вернусь.

Дом бабки Глаши стоял на самом краю хутора. Дедка торопился, он подтолкнул Сережку к выходу. Поля услышала, как за ними закрылась дверь и наступила тишина. Женщина попробовала сделать шаг, но этот шаг ей дался тяжело, низ живота скрутила сильная боль, и сделав несколько шагов, Полина замирает. Рой мыслей заполняет её голову, и про не доенную корову и про голодного сына, накормит ли его Дедка. И вот уже по её щекам текут слезы, она думает, что умрет, и никто не сможет помочь, вот если бы была рядом мамка. Поля вытирает слезы: «Мамочка, ох, как страшно!»

– Полюшка, – бабка Глаша подхватывает женщину под руки и тянет ее к печке.

– Полезай, милая, сама то сможешь? – Поля и не слышала, как она вошла. Старушка хорошо знает свое дело, почти всех ребятишек на селе приняла она в свои руки. Сережа пришёл в этот мир тоже при её помощи.

– Все будет хорошо. – говорит она, и помогает подняться Поле на печку. Полина улеглась на жесткий кирпич, и резкая боль горячей обжигающей точкой начала стучать внутри, разрастаясь и заполняя ее всю без остатка. Но все это ничто, по сравнению со страхом, который скывается по рукам и ногам.

– Господи помоги, мать божья царица небесная заступница, не оставь нас грешных, – шепчет бабка. И Поля пытается повторить: «Господи, господи помоги, господи-и-и-и».

Керосиновая лампа слабо освещает комнату, и вернувшийся вечером Анатолий не сразу замечает бабку Глашу. Тихо возится она с чугунами у печки – маленькая, сухонькая, в белом платочке на голове и в длинной темной юбке, из-под которой выглядывают стоптанные валенки.

– Ну, что, папаша, с доченькой тебя! – Старушка улыбается беззубым младенческим ртом, мелкие морщинки разбегаются по лицу. Уголком платка утирает она набежавшую слезу. Анатолий подошёл к печке:

– Полюшка, – он погладил ее по щеке, – как ты?

Не открывая глаз, счастливая Поля прошептала:

– Хорошо, только очень спать хочется.

– Спи, милая, спи. – Анатолий еще раз провёл по лицу жены рукой и попытался заглянуть в сверток, что прижала к себе Полина, но в темноте, не смог он ничего разглядеть, поэтому отошёл от печки и сел за стол. И вот уже в тишине комнаты слышится лишь глухой стук ложек и тиканье ходиков. Анатолий ел торопливо и с аппетитом. Но и старушка не отставала от мужчины и съела не меньше лесоруба. Когда её тарелка с сытными густыми щами опустела, то кусочком оставшегося хлеба она провела по ее стенкам, собирая остатки жира, и положила его в рот. Впалые губы Глафиры вытянулись и обхватили горбушку. Медленно разжёвывала старая женщина ее во рту, уже не торопясь и получая последнее удовольствие от еды. На столе не осталось и крошки хлеба, а тарелки у едоков такие, что и мыть не надо. Оттерев мягкие губы рукой, шёпотом сказала она Анатолию:

– Дочку-то Полина назвала Вьюгой, говорит, что раз в такой снегопад родилась, то счастливая будет.

Анатолий молчит. Будет так, как сказала жена, он просто и легко принимает все, что делает и говорит супруга. Его широкая рука прошла по волосам, захотелось покурить, но не было сил даже встать и выйти в коридор. От горячей еды его разморило. Он положил голову на сложенные на столе руки, закрыл глаза и тут же уснул. Невидимый чародей усыпил всех, погружая комнату в мирное оцепенение. Каждому из присутствующих он нежно закрыл глаза своей легкой рукой. Каждому сделал приятное, Анатолий проверяет мережу, в которой билась, пытаясь вырваться, рыба. Азарт захватил его, по пояс в воде, Анатолий подтягивает мережу к берегу и выбрасывает ее на траву – «Вот это улов!». А Полина идет по дороге, хорошенькая светловолосая девочка держит ее за руку, а Серёжка бежит рядом. Вот они уже на берегу реки, и яркое солнце весело пускает зайчиков по воде:

– Вьюга, не подходи к воде близко – утонешь.

Сама Вьюга спит без сновидений, нежное кукольное личико ее безмятежно, лишь изредка морщит она губки, как будто материнская грудь у нее во рту и молоко дает ей силы для жизни. Сидя на скамье и прислонившись спиной к теплой печке, задремала и Глафира. Маленькие руки лежат на коленях, и скрюченные пальцы поддерживаются на стареньком переднике. Сон ее крепок.

Снится Глафире, что полощет она белье в теплой воде реки. Жарко. Брызги приятно охлаждают кожу. На мостках уже горка чистого белья. Речной дух смешивается с запахом выстиранного белья, и поэтому так легко и радостно у нее на душе.

В доме тихо, не останавливается ни на секунду ход времени. Старенькие ходики отмеряют время добросовестно. Они не могут позволить себе сбиться и равномерно отстукивают тик-так, тик-так. А за окном ветер радуется свободе и безнаказанности, делает что хочет, то подхватывает снег и швыряет его по своему усмотрению в разные стороны, то свистит, и завывает. Кричит ветер во все горло, что сейчас он хозяин, а в хозяйки берет вьюгу и дает ей столько силы, чтобы хватило укрыть все вокруг белым парчовым покрывалом.

Глава 2

В самом центре села ближе к берегу реки стоит старинная церковь. Сводчатая тяжелая дверь заколочена досками, стекла высоких окон выбиты, а пустые глазницы зарешечены толстыми металлическими прутьями. Серая от времени штукатурка местами отвалилась и обнажилась кладка из красных кирпичей. На фронтоне почти у купола выросла чахлая березка. За церковью старый погост, где хоронили, когда-то только служителей церкви. Из всех могильных крестов сохранился лишь один, да и тот уже наполовину врос в землю. Местные старухи помнят еще те времена, когда в церкви крестили и отпевали, исповедовали и венчали всех жителей села и близлежащих деревень. Сейчас же это старое и бесполезное здание.

Что совершенно не скажешь о магазине, который построили рядом с церковью недавно. Это современное строение из кирпича и стекла. Его прозрачные витрины зазывают покупателей. Есть в селе и другой магазин – старый деревянный амбар, с большими воротами и узкой входной дверью. В открытые ворота сгружают бочки с керосином, мешки с крупами, мукой и сахарным песком. Внутри магазин пропах крепким керосиновым духом. Керосин самый ходовой товар. Электричества в селе и в деревнях нет, поэтому керосиновые лампы единственный источник света. В каждом доме есть керосинка. На ней готовят и разогревают еду, но это в основном летом, когда печь нет необходимости топить.

Широкая дорога разделяет село пополам. По обе стороны дороги стоят дома колхозников, длинной вереницей тянутся они до самого леса и там заканчиваются. Впрочем, и начинается село тоже у леса. Там, где красуется новый магазин и ветшает старая церковь, дорога расходится на две части: главная и широкая торопится дальше и, пробегая через несколько деревень, упирается в последнюю на своем пути деревеньку, за которой начинаются непроходимые леса на многие сотни километров. Вторая дорожка более узкая и второстепенная уходит влево, спускается по пригорочку вниз и останавливается перед переправой. На другом берегу реки смотрит окнами на село деревенька Пороги. Вдоль обоих берегов тянутся в ряд привязанные лодки. Лодки-долбенки легкие и сноровистые, они есть в каждом доме. Пользуются жители деревень услугами парома, но надеются больше на свою лодочку, она всегда под рукой. Река хоть и широкая, течение её быстрое, но управляться с лодками умеют все деревенские мужики. Так вот и перебираются с одного берега на другой то на лодке, то на пароме.

Особой гордостью сельчан стала новая школа. Построили ее всего два года назад, до этого ютились ученики в старом купеческом доме Алмазовых. Новая школа просторная. Имеет она два входа, центральный и боковой. Перед боковым входом разбита большая площадка. На ней проходят торжественные линейки и занятия по физкультуре, хотя для занятий физкультурой есть специальное здание, оно рядом со школой. В нем хранится спортивный инвентарь и находится спортзал. Школьники называют его спортивный дом. И в школе, и в спортивном доме печное отопление. В каждом классе в углу стоит большая беленная печь, около нее аккуратно уложена поленница из дров. Еще до начала занятий сторож, прозванный детьми Сапожок, топит печи и носит воду в буфет из колодца. Воду он наливает в рукомойники, которые располагаются у буфета и около туалета. Устроен туалет по тому же типу, что и все туалеты в деревне. Если войти в школу через боковой вход, то сначала пройдешь мимо туалетов по небольшому коридорчику и попадешь в общий широкий коридор. Классные комнаты располагаются по правую сторону, а с противоположной стороны – большие окна, которые украшены белыми занавесками. В простенках между окнами висят горшки с раскидистой традесканцией. Широкие половые доски выкрашены в коричневый цвет, по ним особенно гулко раздаются шаги. Деревянные стены обшиты листами фанеры, сверху до середины стена белая, а низ голубой. В школе царит особая атмосфера, близкая к той, какая бывает в уютных и обжитых домах. Все в ней свидетельствует о заботе и внимании к детям. Цветы, самодельные плакаты с инфор-

мацией и наивными рисунками детей, стеллажи в коридоре доверху наполненные книгами и пособиями, чистота и порядок во всех помещениях – все это заслуга директора школы. Он всё замечал, всё знал, до всего ему было дело. Раньше всех приходил он в школу и самый последний уходил. В школе была библиотека, собранная стараниями заботливого директора. О такой библиотеке, некоторые школы в городе могли только мечтать. Книги по школьной программе, классическая русская и зарубежная литература, фантастика и приключения, и много других интересных и познавательных произведений стояли на книжных стеллажах, предоставленные в полное пользование ребят.

В школьном буфете хозяйничала Вера Ильинична. Когда за стойкой буфета, без суеты отпускала она ученикам пирожки и чай, бутерброды и компот, то успевала обслужить на перемене всех, кто хотел подкрепиться. Она же следила и за чистотой буфета. А в составление меню даже директор не вмешивался. Придаться к Вере Ильиничне было нельзя. Все у нее было безупречно. Главной задачей для себя считала она, чтобы все были накормлены и не просто накормлены, а накормлены вкусно. Именно Вера Ильинична больше всех в школе готовилась к началу учебного года. Буфет был приведен в полный порядок, покрашено то, что должно быть покрашено и вымыто все без исключения. Новые шторы уже висели на окнах, а новые скатерти украшали два стола для учителей. Это было железное правило, что учительские столы накрывались скатертями и регулярно, самой же Верой Ильиничной, стирались.

Первого сентября к праздничному чаепитию были наготовлены: пирожки сладкие и с капустой, пирожки с картошкой и луком, ватрушки и булочки, чай и компот. На всех столах и буфетной стойке и даже на подоконнике стояли вазочки с цветами. Вера Ильинична в фартуке с оборочками поверх праздничного платья заканчивала последние приготовления. Осмотрев хозяйским взглядом буфет, она направилась по коридору к боковому выходу, откуда были слышны громкие голоса. Дети, взволнованные и нарядные с цветами в руках, собрались группами в ожидании праздничной линейки. И вот появился завуч, она отдала приказ о построении и после некоторой суеты, возникшей в рядах учеников, с удовлетворением взглянула на получившееся каре.

Учителя во главе с директором поднялись на крыльцо, которое всегда использовалось как трибуна, и завуч объявила торжественное открытие линейки. Наступила тишина.

Белые фартуки девочек выделяются среди коричневых костюмов мальчиков и красными пятнами разливаются пионерские галстуки по рядам школьников. Те, у кого есть цветы, держат их впереди себя. Девочки спокойны, мальчики никак не могут утихомириться. Они то толкают друг друга, то пытаются разговаривать, но под строгим взглядом директора затихают.

– Милые, мои дорогие, – обращается к ученикам завуч школы Мария Яковлевна, – закончились каникулы, и мы опять с вами начинаем новый учебный год. За лето вы подросли и повзрослели и готовы к новым свершениям. Вы молодцы! Молодцы, потому что все без исключения работали на школьном огороде, было выращено рекордное количество овощей для интерната. Теперь, нам не страшна зима. У нас есть и картошка, и морковка, и свекла, и лук. Мы провели с вашей помощью косметический ремонт школы, вымыли окна, навели порядок в лаборатории... И тут Мария Яковлевна сбивается, хочет вспомнить о других достижениях, но, не вспомнив, говорит просто и громко: «Ура!»

«Ура!» радостно закричали дети, «Ура!» подхватили учителя – и уже все вместе: «Ура!» несколько раз. Дети заволновались, зашумели, движение прошло по стройным рядам.

Вперед вышел директор, и все стихло. Директор Сергей Николаевич Журавлев был невысоким и худощавым мужчиной пятидесяти лет. Его сухое лицо было самым обычным. Костюм, который он одевал на важные мероприятия, сидел мешковато. Внешне он производил впечатление совершенно заурядного человека. Но стоило ему сказать несколько слов и впечатление о нем сразу менялось. Голос у Сергея Николаевича низкий, говорил он не громко, но все его слышали и слушали. Обращался он к ребятам с простыми словами, но в этой короткой речи

умещались все главные пожелания и советы. Именно в голосе чувствовался властный и сильный характер директора, он не любил, когда его перебивают или перечат. И именно властным голосом, а не внешним видом он держал всех в своем подчинении.

– Сейчас, ребята, ученица восьмого класса, которая является также комсоргом нашей школы, Вьюга Смирнова прочитает стихотворение – произнес Сергей Николаевич.

Вьюга поднялась на середину крыльца, высоко подняла голову и звонким голосом декламировала, четко произнося слова и ни разу не сбившись:

- В светлый утренний час
- В свой приветливый класс
- Мы приходим в положенный срок.
- Там встречает ребят
- Добрый ласковый взгляд, -
- Начинает учитель урок.

Её уверенный голос был слышан даже в задних рядах. Она стояла посредине площадки у всех на виду и многие заметили, как изменилась и повзрослела Вьюга. Как вытянулась в рост, как похорошела она на лицо, и как красит ее светло-русая коса. Нежное лицо девочки порозовело, она не смотрела ни на кого, взгляд ее зеленных глаз был устремлен вверх голов. Прочитав стихотворение, она ушла к своему классу. Ребята, стоящие впереди, расступились и пропустили девочку. И вот она уже смешалась со своими подружками, и линейка продолжилась дальше.

(Автор стихотворения О. Высотская.)

Глава 3

– Ребята, ребята, тишина! Поздравляю вас с началом учебного года. Красин! – Альбина Алексеевна ударила ладонью по столу и с возмущением посмотрела на Васю, который в этот момент разговаривал с соседом по парте. После того, как нерадивый ученик замолчал, учительница продолжила:

– Напоминаю, что этот год для вас выпускной. Вы будете сдавать экзамены. Кто-то из вас пойдет учиться дальше в 9 класс, кто-то будет получать профобразование, а некоторые, – она выразительно свзглянула на Васю, – начнут трудиться в колхозе.

Альбина Алексеевна была классным руководителем восьмого класса и учителем биологии, зоологии и химии. Ученики прозвали ее Гусей, это имя так приросло к ней, что иногда даже учителя в разговоре между собой называли ее так. Нет, конечно же не физическим сходством напоминала Альбина Алексеевна гусыню. Хотя если смотреть на нее сбоку, особенно когда идет Альбина Алексеевна по школьным коридорам, то невозможно избавиться от ощущения, будто это огромная гусыня медленно переваливается из стороны в сторону вытянув длинную шею. В принципе, сначала именно шея и способствовала тому, что какой-то злобредный мальчишка впервые назвал её Гусей. Имела Альбина Алексеевна привычку высоко поднимать голову и вытягивать шею, устремив свой рассерженный взгляд в потолок, при этом шея у неё становилась красного цвета, и это свидетельствовало о степени высшего недовольства чем-то или кем-то. Вот и сейчас, устремила она свой взгляд вверх, губы её приняли недовольное выражение и как бы вытянулись вперед и кажется, что сию минуту зашипит Гуся и замашет крыльями. Но нет, она всего лишь с возмущением в очередной раз обратилась к Василию:

– Красин, я кому все это говорю? Ты можешь посидеть спокойно? – Альбина Алексеевна подошла к парте, где сидит Вася, – живо пересядь на первую парту. Панов ты тоже пересядь.

– Почему Панов? – возмущается Мишка.

– Я запрещаю вам сидеть вместе, – резко произнесла учительница.

Вася и Миша расселись за разные парты, а Альбина Алексеевна продолжила классный час. Она что-то монотонно говорила, ученики перестали ее слушать, и каждый занялся своим делом, самое главное сидеть тихо. Закончив с рассказывать о планах на предстоящий учебный год, Альбина Алексеевна предоставила слово комсору, знакомой нам уже Вьюге Смирновой. А сама же села за стол, поправила волнистую челку, скорее по привычке, чем по необходимости. Выражение лица у нее всегда сердитое и даже сейчас, когда она уже задумалась о чем-то личном, выражение строгости так и осталось на ее лице.

«Год только начался, а меня все так раздражает» – подумала Альбина Алексеевна. В её голове запестрели картинки летней поездки в Ленинград к единственной дочери, которая работает врачом, и это обстоятельство является основным поводом для поездок матери к дочери. Ездит Альбина Алексеевна как бы «подлечиться» или получить консультацию, но всегда с надеждой смотрит на дочь при расставании, а вдруг та предложит матери: «Переезжай ко мне, хватит жить одной». И эта мысль о переезде не дает Альбине Алексеевне покоя, приходит она к ней в разное время и по любому поводу. Раздражительная от природы, женщина с недавних пор нервничает из-за любого пустяка. Она посмотрела на детей и подумала, что вот совсем недавно у неё была семья, но муж умер, дочка уехала в Ленинград, а она, Альбина Алексеевна, пропадает целыми днями в школе, лишь бы не идти в пустой дом. Взгляд ее заскользил по лицам учеников, и заметила она, как дети повзрослели за лето. Альбина Алексеевна взглянула на Вьюгу: «Боже мой, когда же они успели так измениться? Мы не виделись всего месяц».

– Альбина Алексеевна, давайте выбирать актив класса. – голос Вьюги вернул учительницу в реальность.

– Хорошо. Предлагайте кандидатов, – Альбина Алексеевна встала и подошла к первой парте. С силой вырвала она из рук Васи линейку. Вася остался без оружия, которым он пытался достать Мишку, сидящего сзади на второй парте. Альбина Алексеевна уверенно прошагала по ряду, и эта злополучная линейка хлопнула уже по нескольким вихрастым головам. Выборы проходят вяло, и тогда класс решает оставить прежний актив. Альбина Алексеевна согласилась с этим выбором. Она села за стол и продолжила классный час. Её апатия передалась ученикам. На, еще недавно, оживленных и веселых лицах появилась скука, и вот уже весь класс впадает в оцепенение, и только бесцветный голос Альбины Алексеевны нарушает тишину.

Глава 4

Есть в селе место, где любят гулять взрослые и дети – это графская аллея. Когда-то в селе была усадьба богатого помещика Шульца. Большой и красивый дом с колоннами при входе, огромной овальной залой с высокими массивными окнами и полом, выложенным дубовым паркетом, сохранился и до сих пор. В нем располагается интернат для школьников. В осеннюю и весеннюю распутицу и зимние холода живут в нем ребята из соседних деревень. Дороги плохие, и добраться до школы за семь километров очень тяжело. Пять дней в неделю проводят в интернате ученики, а на выходные отправляются по домам. Оставил после себя Шульд не только дом, но и прекрасную аллею. Вековые сосны обрамляют ее с двух сторон. Начинается аллея сразу же за интернатом и тянется километра полтора, а там смешивается с лесом. Когда-то, ещё при Шульце, заканчивалась аллея красивой большой беседкой, но сейчас не осталось от нее даже и следа.

Подходил к концу сентябрь. Мягкая и теплая осень радовала яркими красками и сухой погодой. Она же по утрам и вечерам предупреждала всех вокруг, что скоро все изменится и надо готовиться к длинной и холодной зиме. Но днем ничто не предвещало скорого ухода лета. Даже поздние осенние цветы еще цвели, хотя уже не благоухали, а редкие бабочки грелись в лучах уже осеннего солнца, и последние птицы допевали свои песни, прежде чем покинуть эти места.

Как-то в один из таких дней Вьюга Смирнова и Марина Пышкина вышли из школы и вместо того, чтобы идти домой, решили прогуляться по аллее. В голове у девочек была тайная мысль, но они никогда и ни за что не высказали бы ее вслух. В самом начале аллеи скинули они портфели в траву и налегке неторопливым шагом направились вперед. Дорогу нельзя было назвать широкой, но и узкой она не была тоже. Сосны, росшие ровным рядом по обеим сторонам, отбрасывали друг на друга тень, и поэтому в аллее всегда присутствовал полумрак. Даже в жаркие летние дни тень от деревьев создавала приятную прохладу. Девочки с удовольствием после школьной духоты вдыхали свежий сосновый воздух. Вьюга молчала, Марина быстро и с азартом, что-то рассказывала подруге. Она заглядывала в глаза Вьюге и для этого даже делала шага два вперед, но на лице Вьюги не было видно никаких эмоций, хотя слушала она внимательно. Высокая и худенькая очень опрятно одетая она сильно отличалась от Марины. Было в ее облике едва уловимое превосходство, и какое-то, не свойственное деревенским жителям, высокомерие, подходящее скорее девушке из дворянской семьи, чем скромной хуторянке. Никогда она не суежилась, никогда не говорила зря или по пустякам, всегда больше слушала. А слушать она умела. Когда кто-то к ней обращался, внимательно смотрела она своими зелеными глазами на собеседника и лишь по необходимости отвечала. Многие в школе считали её гордячкой и совсем немногие дружили с ней. Вернее сказать, что с немногими дружила сама Вьюга. Но с Мариной с детства были они подружками. Марина единственная дочка завуча школы Марии Яковлевны. Жили они вдвоем, потому что отец Марины умер почти сразу после ее рождения. Большинство мужчин, вернувшихся с фронта домой в село, израненные и покалеченные долго не жили. В отличие от Вьюги Марина говорушка и непоседа. Гулять по дороге прямо она не умеет и поэтому крутится вокруг Вьюги, то забегая вперед, то отставая по причине развязанного шнурка или попавшего в ботинок камушка. Она вертит головой в разные стороны, как будто кого-то высматривает. Но Вьюга не замечает всей этой суматохи. Она слушает Марину и, продолжает путь все тем же размеренным шагом, не замедляясь и не ускоряясь. Внешне Марина тоже отличается от своей подруги – ниже ростом, она крепкая и сильная, руки в цыпках из-за того, что на ней все хозяйство. Волосы у девочки обстрижены коротко и непослушными кудряшками постоянно падают в лицо. А когда Марина улыбается, то на круглых и румя-

ных щеках появляются милые ямочки. Девочки уже дошли до конца аллеи, когда услышали насмешливый вопрос:

– И что же вы тут делаете? – Миша и Вася, каким-то образом оказались за спинами девочек.

– Гуляем, – бойко ответила Марина, в её глазах читалась радость, – а вы что, следите что ли?

– Больно надо, мы тоже гуляем, – Вася держит в руках свой и Маринин портфели.

– Портфель, зачем взял? – спросила Марина, а сама так и светится от счастья.

– А, это твой, – Вася делает вид, что внимательно рассматривает портфель, – на дороге нашел, вот думаю удача.

– Мой и верни, – Марина протянула руку, но Вася повернул голову и как бы сказал в сторону, обращаясь к Мише: «Сразу верни, а может я, желаю помочь. Портфельчик то тяжелый».

– Больно надо, помочь он хочет! Верни портфель! – Девочка топнула ногой.

Вася доволен, он удерживает портфель за лямку одной рукой, а Марина тянет, что есть силы за вторую лямку, или делает вид, что тянет, потому что портфель остался в руках у Васи и он отбегает в сторону. Им весело. Они отстают на несколько шагов, только слышен их смех и звонкие голоса. А Вьюга все также спокойно идет впереди, все тоже на лице ее невозмутимое выражение, может только чуть побледнели и без того бледные щеки девушки, и раза два с силой закусила она нижнюю губу, что являлось у нее признаком душевного напряжения. Вьюга молчала, и Миша тоже молчал. Не спеша шли они по дороге. Мишка очень хотел заговорить с Вьюгой, но не знал, о чем. Это злило его, и еще сильнее путались у мальчика мысли и вконец испортилось настроение.

«Почему нельзя так просто как с Маринкой» – подумал он и невольно прислушался к бойкой Марине. Смотреть прямо на Вьюгу он стеснялся, поэтому искоса бросал на нее быстрые взгляды, но Вьюга не замечала их или делала вид, что не замечала.

– Мы сегодня вечером собираемся на Бурилке, придешь? – тихо спросил Миша, кажется, что робкий вопрос задает неуверенный в себе человек. Но нет, это не про Мишку. Такие как он не спрашивают робко, такие как он не проявляют слабость, такие как он не знают отказа не в чем. А если и получают его, то при необходимости берут нужное им силой. Характер его знают все в школе. С ним не спорят и ему не перечат. Слово его закон для мальчишек любого возраста. И слушаются его не потому, что боятся. Есть в его поведении какая-то сила, которая убеждает в его правоте. И есть у него еще и физическая сила, но её он демонстрирует редко. Просто никто не хочет попробовать на себе его кулаки.

– Придешь?

– Нет, не приду.

– Почему?

– Не хочу!

Дальше шли они молча. В начале аллеи Вьюга подобрала свой портфель и попрощалась с ребятами. Марина с Васей пошли по одной дороге, а Вьюга по другой. Она знала, что Мишка последовал за ней, почувствовала его взгляд на своей спине, но ни разу Вьюга не оглянулась, не ускорила шага, легкая и уверенная походка не выдала её волнения, и дойдя до переправы не посмотрела Вьюга назад, как будто следующий за ней Мишка – это всего лишь одноклассник, идущий своей дорогой. А он замедлил шаг, проводил взглядом Вьюгу до самого паромы, и когда она оказалась на том берегу и зашла в калитку своего дома, только тогда отвел он глаза в сторону и увидел себя как бы со стороны, бредущим за девочкой, которая его не замечает. Он поднял с земли камень, замахнулся и с силой кинул его в траву. Все, разговор окончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.